

Эта дама, похоже, питала особую страсть к риторическим вопросам.

Чу Цинюнь молча наблюдал за ее вспышкой гнева, пытаясь сопоставить эту женщину с образом госпожи Чжоу, который он когда-то составил по публикациям в сети.

Величественная, благородная, элегантная покровительница искусств, исполненная сострадания...

Интересно, что же такого натворил Переселенец в книгу, если благообразная дама с ворохом столь лестных эпитетов исходила сейчас злобой и вела себя настолько вызывающе?

Впрочем, госпожа Чжоу, встретившись с ним взглядом, тоже осеклась. Поток готовых сорваться с губ упреков застрял у нее в горле.

Они не виделись почти полгода — с тех самых пор, как ее непутевый родной сын пустился во все тяжкие. В ее памяти он остался тощим, угрюмым подростком с отросшей челкой, закрывавшей половину лица. Он вечно злился из-за их привязанности к приемному сыну и вел себя как уязвленный, вечно обиженный бедняк, начисто губя те прекрасные черты лица, которыми она его наградила.

Но сегодня перед ней сидел совсем другой человек. В его осанке больше не было прежней забитости или угрюмости. Юноша небрежно откинулся на подушки, и в этой позе сквозило ленивое, благородное изящество. Из-за повязки на лбу мешавшие раньше волосы убрали назад и стянули на затылке в аккуратный пучок. Лишь несколько непослушных прядей небрежно обрамляли висок. Взгляд его — сонный, холодный и будто бы даже насмешливый — скользил по ней свысока.

Словно он разглядывал забавную диковинку.

Дверь тихо скрипнула. Си Тун, незадолго до этого выпроводивший регистраторов, вернулся в палату.

Чу Цинюнь перевел на него взгляд с госпожи Чжоу.

Обладатель на редкость благородной внешности сперва кротко и глуповато улыбнулся юноше, а затем, оказавшись за спиной госпожи Чжоу, соорудил невероятно красноречивую гримасу и закатил глаза. После этого он с самым независимым видом расправил плечи, гордо прошествовал мимо гостей и чинно уселся на стул возле кровати.

Видимо, решив, что сидеть сложа руки невежливо, Си Тун снова потянулся к яблоку и ножу.

— Порежь кусочками, — напомнил Чу Цинюнь.

— Само собой, — Си Тун продемонстрировал пластиковый контейнер так, словно совершил подвиг. — Гляди, я все предусмотрел. И вилочку тоже достал.

— Чу Цинюнь!

И без того визгливый голос женщины взлетел еще на пару октав. Обида от столь откровенного пренебрежения мигом вытеснила мимолетное изумление его новым обликом.

— С тобой разговаривает старший! — прикрикнула госпожа Чжоу. — Где твои манеры? Где твое воспитание?

Лишь теперь Чу Цинюнь соизволил удостоить ее ленивым взглядом. Заметив, что женщина вот-вот закипит, он тонко, почти неувидимо улыбнулся:

— Прошу прощения. Меня не учили платить добром за зло.

— Что ты несешь?!

Поняв, что назревает грандиозный семейный скандал, дежурный врач поспешил вмешаться:

— Госпожа Чжоу, молодой господин получил серьезную травму головы. Временная амнезия при таких повреждениях — дело обычное. Пациент дезориентирован, нервничает, возможно, вам стоит...

Вспомнив о присутствии посторонних, госпожа Чжоу глубоко вздохнула, возвращая себе самообладание. Она высокомерно вздернула подбородок:

— Не знаю, какую комедию ты тут ломаешь, но побереги свои актерские таланты для кого-нибудь другого. На шоу ты все равно больше не вернешься. Марш домой — учить правила приличия и искоренять свои плебейские замашки.

Си Тун, усердно срезавший кожуру с яблока, заметно замедлился. При каждом слове гостьи он все сильнее сжимал рукоять ножа и прерывисто дышал. Казалось, он уязвлен выпадами этой женщины куда глубже, чем сам Чу Цинюнь, и готов в любую секунду развернуться и прирезать наглую богачку.

— Вы мне льстите, — Чу Цинюнь скользнул взглядом по Си Туну, безмолвно приказывая тому остыть, и холодно усмехнулся: — Мне далеко до вашего артистизма. Продавать собственного сына ради выгоды и при этом с таким благочестивым видом читать ему нотации — вот это настоящий талант.

Лицо женщины исказилось гневом, она презрительно фыркнула:

— Так ты все-таки ничего не забыл! И что, решил обидеться на нас за то, что мы подыскивали тебе партию?

Несчастный доктор готов был сквозь землю провалиться — мало того, что его одурачили мнимой амнезией, так теперь еще и заставили выслушивать грязные тайны богатого семейства. Он неловко кашлянул, пробормотал госпоже Чжоу пару дежурных фраз и поспешно ретировался из палаты.

Госпожа Чжоу выразительно посмотрела на мужчину у постели сына, ожидая, что тот последует примеру врача. Однако Си Тун и не думал уходить. С самым невозмутимым видом он продолжал нарезать очищенное яблоко дольками.

— Он свой человек, пусть слушает, — великодушно избавил ее от сомнений Чу Цинюнь.

— Что ж, раз тебе не стыдно перед посторонними, я скажу прямо. Наше с отцом решение таково: с твоей нынешней репутацией о карьере на публике можешь забыть. Хватит позорить семью и соперничать с Сяо Чи на потеху прессе. Возвращайся домой.

Заметив, что юноша молчит, госпожа Чжоу решила, что ее слова возымели действие. Она смягчила тон и заговорила вкрадчиво, с показной заботой:

— Пойми, у тебя нет деловой хватки твоего старшего брата, да и талантом Сяо Чи бог тебя обделил. Радуйся, что нашелся человек, готовый взять тебя в мужья. Скоро мы уладим формальности и устроим встречу семей. Семья Чжоу поможет замять этот скандал в прессе. Я твоя мать и желаю тебе только лучшего.

— В этом нет нужды.

Чу Цинюнь изначально предполагал, что семья Чжоу затеяла какую-то сложную интригу. Но сейчас, глядя на госпожу Чжоу, он понял: она действительно верит, будто творит благо. Это было даже не коварство — скорее отношение хозяина к питомцу. Подобрали на улице плешивого щенка, а тот не спешит преданно вилять хвостом и лизать руки. Разумеется, это вызывает раздражение, но вышвырнуть его жалко — как же тогда хвастаться перед знакомыми своей исключительной добротой? Будем держать его на коротком поводке и изредка швырять ему обглоданную кость.

«Типичная светская львица», — мысленно усмехнулся Чу Цинюнь. Подражая ее елейному тону, он ласково произнес:

— Вы ведь интересовались, кто были те двое мужчин, что ушли перед вашим визитом? Это сотрудники управления регистрации браков.

Он приподнял руку, в которой все это время держал две красные книжки с золотым тиснением:

— Я уже сочетался законным браком.

— Что?! Расписался?!

Это известие обрушилось на госпожу Чжоу подобно грому среди ясного неба.

— С кем?! Ты же должен был...

Ее блуждающий в панике взгляд наткнулся на мужчину, который с невозмутимым видом продолжал нарезать фрукты. Вспомнив фразу сына о «своем человеке», она потрясенно выдохнула:

— Только не говори, что... с ним?!

Тем временем Си Тун как раз закончил нарезать яблоко идеальными кубиками. Он аккуратно передал контейнер с вилочкой Чу Цинюню, быстро доел оставшуюся мякоть с огрызка, вытер руки влажной салфеткой и с истинно джентльменским изяществом повернулся к гостю. Слегка склонив голову, он вежливо произнес:

— Рад нашему знакомству, госпожа Чжоу.

Он сделал крохотную паузу, набрал в грудь воздуха и расплылся в такой ослепительной, лучезарной улыбке, какая не снилась даже главному семейному любимчику Чжоу Чи:

— Я супруг моего ненаглядного Цзюньцзюня.

— Да как ты... как ты посмел учинить такое за нашей спиной!

Вспомнив об обязательствах перед деловыми партнерами семьи и неминуемой ярости супруга, госпожа Чжоу задрожала от гнева. Она уставилась на незнакомца широко раскрытыми от ужаса глазами:

— Ты совсем из ума выжил?! Свадьба в такое время?! Да кто он вообще такой?!

«Любительница риторических вопросов» окончательно перешла на истощный допрос. Си Тун с мягким сочувствием посмотрел на устроенную ею сцену и оглянулся на супруга.

— Чего ты на меня смотришь? — отозвался Чу Цинюнь. — Тебя спрашивают.

Си Тун вновь повернулся к женщине и с абсолютной уверенностью в голосе отчеканил:

— Я временно безработный. Но не извольте беспокоиться, у нас с Цзюньцзюнем все исключительно по взаимной и чистой любви.

Чу Цинюнь едва сдержал смешок. Теперь он ни капли не сомневался, что Система досконально изучила первоисточник: язвить и выводить людей из себя она умела ничуть не хуже его самого.

— О боже... Да как наследник Семьи Чжоу мог опуститься до брака с бродягой?!

Только представьте, какой грандиозный скандал разразится в прессе, едва журналисты проведуют, что родной сын Семьи Чжоу женился на безработном оборванце! У госпожи Чжоу перехватило дыхание. Она судорожно схватилась за сердце, шумно ловя ртом воздух.

— Но матушка, вы же сами без конца твердили, что от меня за версту несет нищетой. Разве союз с таким же бедняком — это не идеальный брак? К тому же, согласитесь, любящий безработный куда лучше похотливого ничтожества, от которого собственная семья пытается избавиться всеми силами.

— Откуда... откуда ты знаешь?!

Женщина так и застыла на месте. На ее холеном лице промелькнуло явное замешательство, мгновенно сменившееся гневом.

— Так вот оно что! — процедила она сквозь зубы. — Женился назло нам? Решил, что если состряпаешь этот фиктивный брак, мы потеряем над тобой контроль?

Чу Цинюнь не снизошел до оправданий. Его безразличное молчание было красноречивее любых слов.

— Неблагодарный щенок! Я из кожи вон лезла, чтобы утихомирить прессу, а ты платишь мне вот такой монетой?!

Чу Цинюнь саркастически хмыкнул:

— Помогали, говорите?

Еще во время учебы Переселенец в книгу попался на удочку своего «любящего младшего брата» — приемного сына Семьи Чжоу, который к тому моменту уже блистал на сцене в составе популярного бойз-бэнда. По его совету наивный парень подписал контракт с тем же агентством и мгновенно угодил в глухую кабалу. На его карьере поставили крест. Получив диплом, он остался у разбитого корыта — без работы и средств к существованию. Чтобы банально не умереть с голоду, ему пришлось согласиться на участие в скандальном реалити-шоу «Пик актёрского мастерства».

Четыре года назад, когда в Китае только зарождалась мода на айдол-шоу, передачи выходили исключительно в записи. Ныне же индустрия развлечений совершила безумный скачок: в прямом эфире транслировалось буквально все. Чу Цинюнь чувствовал себя замшелым динозавром, которому приходилось заново изучать правила современных медиаплатформ, чтобы хоть немного понимать путанные объяснения Системы.

Согласно правилам проекта, участники находились под прицелом камер круглые сутки. Замкнутый характер Переселенца в книгу сыграл с ним злую шутку: зрители его невзлюбили. Не прошло и недели с начала эфиров, как на него обрушился шквал хейта за «непочтительное» отношение к новоиспеченному кумиру молодежи — его названому брату Чжоу Чи. Масла в огонь подлило обвинение от одного из вылетевших конкурсантов, заявившего, будто Чу Цинюнь украл его наработки. Поскольку участникам строго запрещалось пользоваться телефонами во время съемок, парень оказался в информационном вакууме. Их общий с Чжоу Чи менеджер не упустил шанса воспользоваться этой изоляцией: он мгновенно выступил с заявлением от лица компании, открестившись от скандального подопечного и предоставив тому самому расхлебывать кашу.

Семья Чжоу действительно вмешалась, как и утверждала госпожа Чжоу. В самый разгар общественного негодования они спешно выкупили и удалили несколько гневных хэштегов из топа Вэйбо. Вот только в разгар травли подобный жест сработал как бензин, брошенный в костер. Публика расценила это как явную попытку замести следы и молчаливое признание вины.

Так обиженный неудачник, беспринципный менеджер и влиятельная Семья Чжоу совместными усилиями превратили ложь в непреложную истину, окончательно закрепив за Чу Цинюнем статус вора.

И если бы не травма головы, заставившая его покинуть съемочную площадку и лечь в больницу, он до сих пор оставался бы в блаженном неведении.

— Мама, — негромко произнес Чу Цинюнь. Он впервые отказался от холодного «госпожа Чжоу», и в глазах женщины тут же вспыхнул огонек надежды — она решила, что сын наконец-то одумался и готов пойти на попятную.

Но юноша лишь покрепче сжал руку сидящего рядом Си Туна и мягко улыбнулся:

— Вы ведь благословите наш брак?

Раздался оглушительный грохот. Забыв о светских приличиях и напускном благородстве, госпожа Чжоу пулей вылетела из палаты, напоследок изо всей силы грохнув дверь.

— Хо... хозяин!

Си Тун снова впал в крайнее возбуждение. Он во все глаза смотрел на ладонь, которую Чу

Цинюнь только что выпустил из своей руки.

— Невероятно! Мы довели ее до белого каления!

Чу Цинюнь приподнял бровь:

— Ты так рад?

Тот вскочил со стула, сделал пару забавных кругов по палате, высоко вскидывая колени, и лишь затем чинно уселся обратно.

— Вовсе нет. Ну, может, самую малость.

Юноша выразительно покосился на его ноги:

— Тогда к чему эти упражнения?

— Я ведь только что обрел человеческое тело, — со всей серьезностью пояснил Си Тун. — Надо же мне опробовать новые конечности.

— Понимаю, — хмыкнул Чу Цинюнь. — Крайне весомый аргумент.

Отложив свидетельство о браке в сторону, он разблокировал экран телефона и зашел в приложение Вэйбо. Его последняя публикация датировалась днем накануне съемок — обычный репост официального промо-ролика шоу.

Как и следовало ожидать, в комментариях творился сущий ад.

[Грязный воришка! Позор!]

[Чу Цинюнь, убирайся с проекта! Верни место Линь Чуаню!]

[Девочки, цензуру на хэштеги сняли! Давайте дружно выведем тему #Чу Цинюнь вор# в топ!]

[Да не было у него никакой травмы! Этот мерзавец просто симулировал, чтобы сбежать и попытаться замять дело через свои связи! Организаторы, доколе вы будете это терпеть?!]

[Чжоу Чи выступает даже со старыми травмами, а этот симулянт чуть что — в кусты! Пользуется семейными привилегиями, только позорит имя Чжоу. Неудивительно, что господин Чжоу Лицзинь и госпожа Чжоу души не чают в Сяо Чи!]

[Вот именно! Сяо Чи — сущий ангел. А этот неблагодарный выскочка пришел на все готовенькое и еще смеет права качать. Мы-то думали, за ним кто-то стоит, а он оказался пустым местом!]

[Сколько он собирается валяться в больнице? Из-за его отсутствия группа не может нормально репетировать. Хотя капля совести у него осталась?!!]

Поскольку все эти помои предназначались Переселенцу в книгу, Чу Цинюнь читал их со спокойным равнодушием. Он вышел из личного кабинета, прикрепил к новому посту все собранные за ночь доказательства, добавил хэштег #Трансляция-опровержение# и слегка подтолкнул притихшую Систему в плечо:

— Подержи телефон. Я выхожу в эфир.

Вопреки ожиданиям, Си Тун не кинулся тут же выполнять поручение. Он застыл на месте, во все глаза глядя на юношу. Чу Цинюнь недоуменно нахмурился и вопросительно уставился на него в ответ.

— Ох, хозяин! — Си Тун испуганно вздрогнул, мгновенно залившись краской, и смущенно завертел в руках гаджет. — Вы... вы такой красивый. Клянусь своей системной платой, краше вас я никого в жизни не видел!

Чу Цинюнь с раннего детства был избалован комплиментами, а потому лишь безучастно кивнул и вложил смартфон в ладонь помощника.

— Слушаюсь! — Си Тун бодро перехватил мобильный, зашел на противоположную сторону кровати и, тщательно выбрав ракурс, при котором его подопечный выглядел наиболее эффектно, направил камеру на Чу Цинюня.

За те полминуты, пока картинка дергалась и настраивалась, в чат трансляции уже хлынул поток разгневанных пользователей из Вэйбо.

[Воришка! Верни долги!]

[Хм, странно все это. Зачем ему стрим в такой ситуации? Неужели нас ждет разоблачение?]

[Компания умыла руки, парень явно слетел с катушек.]

[Что за каша на экране? Думает, покажет нам белую палату и мы сразу поверим в его смертельную рану?]

[Спорим, он побоится показать лицо?]

Наконец изображение стабилизировалось. Гневные выкрики в чате мгновенно прекратились, уступив место бесконечной лавине вопросительных знаков.

Из-за того что Си Тун держал камеру слишком близко, в кадр попало не все лицо, а лишь невероятно красивые, притягательные глаза формы «лепестки персика». На мгновение в их глубине отразилось легкое замешательство, но уже в следующую секунду брови юноши недовольно сошлись у переносицы, и он скользнул взглядом куда-то в сторону.

Зрители по ту сторону экранов затаили дыхание. Кто-то злился на непутевого оператора за то, что тот посмел рассердить этого невероятного красавца, другие же отчаянно завидовали неизвестному человеку, удостоившемуся столь близкого внимания.

Пока ошеломленная публика лихорадочно вспоминала, ради чего вообще зашла на этот стрим, раздался приятный, бархатистый мужской голос:

— Слишком близко. Настрой зум.

Это говорил он!

Оператор тут же послушно отдалил камеру.

В кадре показалась худощавая фигура в больничной пижаме. Бледное лицо с тонкими, безупречными чертами, непривычная прическа и белая повязка на лбу — этот юноша казался одновременно знакомым и совершенно чужим. Очертания его подбородка были точь-в-точь как у того, кого они безжалостно поливали грязью последние дни, но в его облике не осталось и следа от прежней унылой забитости. Длинные, висевшие паклей пряди теперь были аккуратно убраны назад. А его глаза, лишенные скрывавшей их челки, больше не казались сонными. В сочетании со строго опущенными уголками губ его взгляд напоминал чистую, зеркальную гладь горного озера — прохладную, глубокую и безупречно спокойную.

Чат замер в секундном оцепенении, а затем буквально взорвался от лавины сообщений, полностью перекрывших трансляцию.

Неужели... это действительно Чу Цинюнь?!

<http://bllate.org/book/20480/2106120>